

В этом году исполняется 250 лет со дня рождения Тимофея Степановича Бурнашёва. Пожалуй, это одна из самых загадочных личностей в истории Алтайского края

текст **Надежда ГОНЧАРОВА**

Как много вместила его судьба: горный инженер, управляющий горными округами и заводами; генерал, невольный тюремщик ссыльных декабристов. Но главное, Бурнашёв — один из первых российских разведчиков. Осенью 2019 года в Змеиногорске в Музее истории развития горного производства имени Акинфия Демидова торжественно открыли памятный камень в честь Тимофея Бурнашёва. Возглавлявший тогда УФСБ РФ по Алтайскому краю Юрий Мороз в своем выступлении назвал Тимофея Степановича «ярчайшим представителем специальной службы своего времени, который выполнял особые задачи за пределами государства, но в его интересах». Секретные экспедиции Бурнашёва способствовали расширению связей России со странами Средней Азии.

СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ В 21 ГОД

Во второй половине XVIII века интерес России к бескрайним среднеазиатским степям и народам, кочевавшим в них, был очень высоким. Россия нуждалась в новых рынках сбыта и источниках сырья. Но как разведчиком вдруг стал молодой горный офицер Колыванов-Воскресенских заводов? Ответ на этот вопрос можно найти в «Очерках истории российской внешней разведки», написанных Евгением Примаковым, известным руководителем российского правительства, министром иностранных дел РФ. По словам Примакова, в конце правления императрицы Екатерины II, обеспокоенной более внутренней безопасностью из-за событий Французской революции, внешней разведке отводилась не первостепенная роль. Она проводилась, но «носила в целом спорадический характер — отдельные лица, отдельные поручения». К разведывательной деятельности «привлекались люди, состоявшие на дипломатической или военной службе, наиболее надежные, способные, проверенные. Но это были в основном одиночки». Примаков отмечает, что миссия эта была почетна и для представителей аристократического общества, и тем более для выходцев из простой среды. «В этом отношении интересна судьба Тимофея Степановича Бурнашёва, — пишет автор, — сына простого сибирского казака, разведчика глубинных районов Средней Азии, в сторону которых неизменно поглядывало око двуглавого орла даже в тревожные времена «французской эпидемии».

Когда в 1794 году управляющий Сибирским краем генерал Густав-Эрнест Штрандман получил высочайшее повеление о направлении в Среднюю Азию

«под секретным видом экспедиции для узнавания сего края во всех отношениях», среди прочих кандидатур на выполнение сложного и небезопасного задания генерал остановил свой выбор на Тимофее Бурнашёве. В отличие от большинства горных офицеров той эпохи Бурнашёв не был дворянским сыном, хотя место и время его рождения, безусловно, сказались на дальнейшей судьбе. Родился Тимофей в 1772 году в Змеиногорской крепости. Отец его был унтер-офицером, позже дослужившись до прапорщика. Воспитание мальчика было довольно свободное, в общении с природой. «С детства он был приучен к верховой езде, стрельбе из ружья, в чем достиг немалого искусства, — пишет Владимир Новиков, биограф Бурнашёва из Казахстана. — Он мог ружейную пулю рассечь о ножевое острие, размещенное в 20–25 метрах от стрелка. В молодые годы, будучи командиром Карговских каменоломен, он с товарищами, а порою и в одиночку охотился на медведей».

Отец умер рано, и толковый ученик Тимофей после двух лет обучения в местной горнозаводской школе вынужден был пойти на службу. Тринадцатилетнего подростка определили в пробирные ученики, где он способностями и трудолюбием обратил на себя внимание начальника заводов Гавриила Качки, который и дал распоряжение направить Тимофея на две зимы в Барнаульское горное училище.

На Змеиногорский рудник в 1791 году, окончив училище с отличием, он возвращается уже ревизором горного производства — серьезное дело для молодого человека. А вскоре его переводят на работу в Риддерский рудник, где Бурнашёв впервые создает лабораторию по исследованию добываемых руд. Успел Тимофей послужить и в одном из отрядов Сибирского корпуса.

«И здесь он выделяется среди сверстников не только умом, но и хорошей военной подготовкой, отличными успехами в стрельбе, недюжинной физической силой, — пишет Евгений Примаков. — Тимофею был 21 год, когда генерал решил, что он будет наиболее подходящей кандидатурой для выполнения намеченной разведывательной миссии».

Историк Александр Колпакиди в своей книге «Спецслужбы Российской Империи. Уникальная энциклопедия» тоже описывает этот факт и отмечает высокую опасность столь важного задания.

Позже Бурнашёв напишет в своих воспоминаниях: «Велено было мне назваться русским купцом, а между тем воспрещено даже любопытствовать о настоящем моем звании и мне не иметь ни с кем никакого

обращения и знакомства, кроме главного правителя дел... Отправка моя будет с Оренбургской линии из-под города Троицка, при купеческом караване татар. Наперво в Большую Бухарию, а оттуда через Самарканд, Ходжент, Уратубу, Кокан — в Ташкентию. Из сего места через Туркестан, Киргизскую степью обратно в Россию».

ШИФР

К выполнению этой миссии молодой офицер готовился весьма ответственно, он самостоятельно разработал что-то наподобие шифра. «Все путевые замечания делал я придуманными мною еще в России знаками, дабы никто не мог их читать, и даже товарищ мой не мог разбирать сего моего письма», — писал Тимофей Степанович в своих воспоминаниях. Кстати, в экспедиции, состоящей из двух человек, кроме Бурнашёва был унтер-офицер Четвертого линейного батальона Сибирского корпуса Бсэноснкоба.

«Несмотря на принятые меры конспирации и тщательную подготовку, разведчики, прибывшие в Бухару под видом «русских купцов», вызвали подозрение у местных властей и были взяты под неусыпное наблюдение, — сообщает в «Очерках» Евгений Примаков. — В то время подобные меры принимались ко всем посещавшим Бухару иностранцам. К «русским купцам» приставили караул, запретили посещать город, в течение двенадцати дней они подвергались строжайшему допросу: кто они, куда следуют и зачем?»

По воспоминаниям Бурнашёва, бухарские чиновники очень сомневались в цели его путешествия, однако «купцы» смогли рассеять все сомнения. И им даже было разрешено присутствовать на аудиенции бухарского эмира. «Пользуясь полученной свободой, проживали мы в сем многолюдном городе до мая месяца, и в сие время успели собрать много нужных и любопытных сведений». Для записи этих сведений Тимофей Степанович использовал свой шифр.

Жизнь разведчика полна остросюжетных моментов. После допросов и путешествий по экзотическим местам пришла пора отправляться домой в Россию. Но, похоже, бухарские стражи безопасности не слишком доверяли «русским купцам», хотя в открытую не препятствовали

их возвращению на родину. Не имея формальных поводов для ареста, азиаты действуют исподтишка, организовав набег отряда киргизов Малой Орды на караван, в составе которого находился Бурнашёв. Тут и пригодилась физическая подготовка и смекалка сибирского офицера. Воспользовавшись ночным покровом, у реки Сыр-Дарьи Тимофей устраивает побег и в одиночку, преодолев немало опасностей, добирается до Оренбурга.

Прибыв на родную землю, Бурнашёв срочно отправляет управляющему кабинетом императрицы «Замечания о пути по Бухарии», которые были высоко оценены, а сам разведчик получил щедрое вознаграждение за выполнение опасного задания и повышен в звании.

В СТРАНУ ТАШКЕНТИЮ

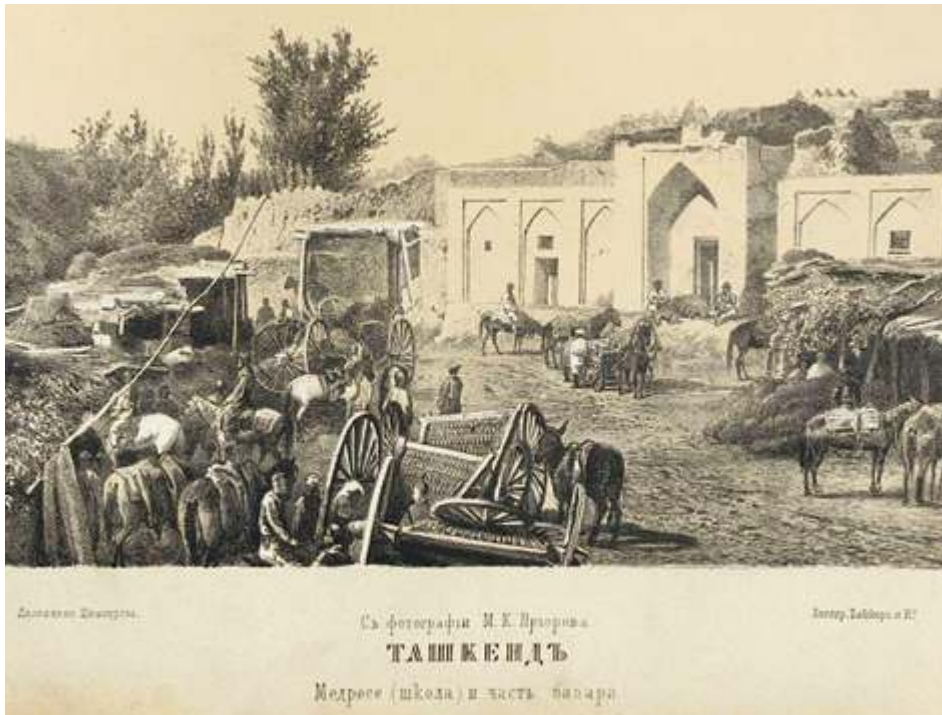
Вскоре разведчик получает очередное задание. В «Очерках» Примакова читаем: «В начале 1798 года инспектор Сибирской дивизии племянник А.В. Суворова князь А.И. Горчаков поручает Бурнашёву организовать новую секретную экспедицию в малоизученные районы Киргизской степи. Подготовка к ней заняла у Бурнашёва около двух лет. Он должен был под видом посланника выехать к одному из киргизских султанов и по пути собрать через русских пленных как можно более полную информацию о «ташкентских землях» и секретных проходах через Голодную и Киргизскую степи».

Судя по всему, для этой экспедиции разведчику даже не пришлось создавать легенду. Была проведена соответствующая подготовка и в 1800 году Тимофей Степанович как специалист горного дела был приглашен на службу правителем Ташкента. Бурнашёв отправляется туда вместе с другим горным офицером Михаилом Поспеловым. Как российский посланник Тимофей Степанович посетит Ташкент и вручит послание Павла I местному правителю.

На основе материалов, хранящихся в Государственном архиве Алтайского края, исследователь Владимир Новиков подготовил статью об этой экспедиции «Как горные инженеры с Алтая в Ташкентию ходили».

В течение полугода кочевали путешественники с десятью казаками и султаном Букеем по безводным степным просторам. Вот гдегодились навыки, обретенные в детстве. Новиков отмечает: «Высокое мастерство

Давидов Штерн.

Съ фотографии И. К. Прохорова

Литер. Таблицы и К.

ТАШКЕНДЪ

Медресе (школа) и часть базара

За несколько десятилетий до появления первых фотографий из городов Средней Азии Тимофеем Бурнашѣеъ сделан зримые словесные описанія, которые и сегодня актуальны и важны для историков разных стран. Фото предоставлено автором

в стрельбе из ружья, по воспоминаниям Бурнашѣва, в путешествиях неоднократно «спасало от явных набегов». Демонстрируя удивительную точность стрельбы, он всегда уверял посторонних очевидцев, что если он, башлык (чиновник), так стреляет, то его казаки — стрелки гораздо лучше... Ташкентский владетель, прослышав о «снайперских» упражнениях Бурнашѣва, убедительно просил подарить ему ружье, обещая в награду «чего бы тот ни потребовал». Пришлось Бурнашѣву ради успеха экспедиции расстаться со своим добрым другом — ружьем».

Тимофей исполнил свои миссии — и скрытые, и явные — сполна. По пути из Семипалатинска в Ташкент через пустыню Бетпак-Дала и обратно через Туркестан и Созак они с Поспеловым изучали названия местностей, рек и озер, гор, а также быт казахских аулов, социальное положение населения, хозяйство и т.д. Разведчики составили сведения о ташкентском владении, о географическом, экономико-политическом положении, взаимоотношениях с Кокандом, соседними казахскими территориями. Все это имело большое значение для установления дипломатических и торговых отношений России со среднеазиатскими странами. Составленные Бурнашѣвым карты открыли пути для путешествий и торговли в Среднюю Азию.

ВСЕСТОРОННИЙ ВЗГЛЯД

Впервые отчеты о разведывательных путешествиях по Средней Азии были опубликованы в журнале «Сибирский вестник» в 1818 году, а в сокращенном варианте — в «Вестнике Императорского Русского географического общества» в 1851-м.

В отчетах содержалось много интересных фактов о быте и обычаях местных народов, их основных занятиях и семейном укладе, о фауне и флоре тех мест. Приведем фрагмент его записок: «Продолжили далее путь таковыми же ровными местами к горам, именуемым Каркаралы. Оные горы и в близости их Кень-Казлык весьма каменисты и покрыты сосновым, берзовым и осиновым лесом, особливо первым, годным к строению, в изобилии. По течению ключей растут

луговые травы. В лесах же находятся звери, по уверению киргизцев, медведи, маралы и кабаны в довольном числе. Сии горы находятся от Иртыша на расстоянии 250 верст. От них до речки Нуры горы идут каменистые и сплошнее, но известными путями с самыми повозками проходить не затруднительно. Между ими по ключам растет малый и осиновый лес; на подолах есть луговые травы и может быть хлебопашество произведено. По речке же Нуре такие же находятся удобства, где и киргиз-кайсаки начали производить небольшое земледелие, наводняя из речки каналами».

Бурнашѣв не просто наблюдатель, как аналитик он делает точные выводы: «...Оная страна наиспособнейшая к плодородию. Сверх хлебопашества посев хлопчатой бумаги и содержание садов с различными плодами, суть первые произведения таможенного края, к которым земля довольно способна и обитателям нарочитую пользу доставляет. Затем разведение шелку хотя так же производится, но не видно еще в нем большого избытка, со временем может быть и оно размножено будет».

Из отчетов Бурнашѣва много нового почерпнули естествоведы, историки, этнографы, купцы, дипломаты.

Бурнашѣв первым дает полные сведения о загадном Ташкенте: окрестности, быт, торговля, хозяйство, вооружение, правитель и многое другое. «Вид города Ташкента издали представляется глазам обширнейшим садом, кой, скрывая низкие здания, сам делается виден, несмотря на окружающую стену, — пишет Тимофей Степанович. — Ровное местоположение при подоле гор, называемых Алатау, увеличивает приятность сего вида, которая еще более бы была, если бы самые здания имели что-нибудь величественное».

Путешественники сообщают, что в городе, обнесенном глиняной стеной высотой около восьми метров и толщиной до двух метров с деревянными воротами, около 10 тысяч домов и 40 тысяч жителей. Внутри города — глиняные дома с плоскими крышами, расположенные без всякого разбору и едва видные в сплошном зеленом ковре садов. Улицы чрезвычайно неровные и до того узки, что ездят по ним лишь верхом

на лошадях, телеги и повозки не проходят. В центре города на большой площади — базар, разделенный перерегородками для различных товаров. Поблизости харчевни и бойни для скота. «Чистоты там, как и во всем городе, мало». В городе много развалин — результат междоусобиц за трон владетеля. «Вообще оный город и через 20 лет не выправлен будет от того разорения, каковые случились в смутные времена».

Бурнашёв отрабатывает и официальную версию путешествия как горный специалист. По всему пути отмечает он наличие или отсутствие природных богатств. Так, в горах Каратау обнаружили свинцовую руду, «где находится она в известковом камне небольшими прожилками и гнездами в виде свинцового блеска». А за Нурой потянулись известковые горы, за ними «роговокаменные и сланцевые, в смешении с белым кварцем, потом агатовые, и из яшмы разных видов состоящие, также и гранитные попеременно». «Их точное указание было первым достоверным сообщением об ископаемых богатствах гор Средней Азии», — писал о Бурнашёве и Пospelове советский историк Феофан Бублейников в книге «История открытий ископаемых богатств нашей страны».

Посетив горные хребты Тянь-Шаня посланники восхитились их могущественной красотой, но перспектив для горнодобывающей промышленности не увидели. Бурнашёв сделал запись: «Ледяные верхи высших из них, откуда бьют чистые ключи, или по крутым утесам бьют водопады суть лучшие виды тамошнего края. Между иными горами находятся обширные равнины столь тучные, сколь и приятные, имеющие обильное произрастание. Цель посещения гор — осмотр и оценка приисков полезных ископаемых. Горы не раскрыли своих богатств, преимущественно сложены гранитом, известковым камнем, изредка пресная железистая яшма. Впрочем, не видно в них благонадежности к редким ископаемым, особливо металлическим».

Цепкий взгляд не упускает ничего: «В одной только горе найдены рудные признаки с малым содержанием меди, где есть и небольшие выработки прежних народов, однако нет в оных надежды к лучшим открытиям. В сих же горах ташкентцы выплавляют довольно хороший чугуи и из него делают различную посуду и другие изделия».

Подробное описание малоизученных «Ташкентских земель» получило высокую оценку в Петербурге. За усердие Тимофей Бурнашёв был пожалован чином горного штаб-офицера, а через какое-то время назначен управляющим Локтевским серебropлавильным заводом.

УПРАВЛЕНЕЦ-РЕФОРМАТОР

В 1810 году Тимофей Степанович возвращается к горному делу. Работа управляющим Локтевским серебropлавильным заводом оказалась весьма плодотворной. За семь лет Бурнашёву удалось провести полную реконструкцию производства с введением механизированных процессов и улучшить бытовые условия рабочих и их семей. В 1818–1819 годах Тимофей Бурнашёв исполняет обязанности начальника Кольвано-Воскресенских (Алтайских) заводов.

Пожалуй, самым сложным в судьбе Тимофея Степановича был период работы начальником Нерчинских заводов, куда прибыл он по назначению Кабинета в 1821 году. Заводы переживали не лучшие времена — природная серебряная жила истощилась. Кроме того, Бурнашёв оказался невольным тюремщиком

декабристов С.Г. Волконского, братьев П. И. и А. И. Боровских, В. Д. Давыдова, Е. П. Оболенского, А. З. Муравьева, С. П. Трубецкого, А. И. Якубовича, присланных на Благодатский рудник для отбывания каторжных работ. В воспоминаниях декабристов читаем: «Черт знает, что делать с этими сиятельными каторжниками, — сокрушался Бурнашёв. — С одной стороны, гласит инструкция, держать их без всяких послаблений, в строгости, занимать в рудниках тяжелыми работами, а с другой — заботиться об их здоровье». Тимофей Степанович, оказавшись между молотом и наковальней, пытается соблюсти и верноподданнические интересы и проявить природное благородство. По отзыву Е. П. Оболенского, начальник округа был «довольно груб» на словах, на деле же старался «облегчить наше положение». Как указано в «Энциклопедии Забайкалья», Бурнашёв «способствовал окончанию 1-й политической голодовки декабристов в феврале 1827 года, в дальнейшем не допускал необоснованных претензий к ним». Он пытался облегчить и положение приписных крестьян, труд которых тоже был сравним с каторжным. Тимофей Степанович инициировал создание в Нерчинском горном округе сети горнозаводских школ и горного училища при Нерчинском заводе. Безусловно, ему помог барнаульский опыт.

В 1827 году Бурнашёв подал прошение об отставке, которое было принято через два года. Отойдя от дел, Тимофей Степанович возвратился в Барнаул и увлекся селекцией. Судя по его ташкентским отчетам и обустройству крестьянских хозяйств в Нерчинском округе, вопросы сельского хозяйства интересовали его и раньше, теперь же появилось время заняться вплотную. Он стал членом двух московских обществ — испытателей природы и сельского хозяйства. В 1838 году был награжден золотой медалью за разведение китайского и других сортов табака.

Говоря о Бурнашёве, нельзя не сказать и о том, что он стоит в основе алтайской ветви фамилии горных инженеров Кулибиных. Внуки легендарного механика-самоучки были внуками и Бурнашёва. В Забайкалье его правой рукой был присланный с Алтая талантливый инженер Александр Иванович Кулибин, сын новгородского Архимеда, за которого вышла замуж дочь Бурнашёва — Анна Тимофеевна. Трое сыновей Анны и Александра, блестяще окончив Институт Корпуса горных инженеров, стали ведущими специалистами горной промышленности и внесли весомый вклад в освоение сибирских и российских недр. Думается, в воспитание мальчиков, рано оставшихся без отца, Тимофей Бурнашёв вложил немало знаний и любви. Старший внук Николай (1831 г. р.) был профессором горного дела и подготовил несколько поколений толковых инженеров, успешно занимался и разведкой минеральных ресурсов. Владимир (1832) — талантливый изобретатель, автор известной «Кулибинки», плавучей машины для золотодобычи. Константин (1834) не только работал на казенных золотых промыслах Алтая, но и много путешествовал, в чем-то повторив путь деда. Константин Кулибин — автор работы о поисках золота в Туркестане, о жильной породе уральских коренных месторождений, а также о месторождениях рудного золота на Алтае. В 1900 году Константин произвел осмотр китайских месторождений и, будучи пытливым вообще, учел политическую обстановку на Востоке и сделал прогноз о ближайших военных осложнениях там, которые не преминули сказаться в 1904 году.

Умер Тимофей Бурнашёв в 1850 году, похоронен на барнаульском Нагорном кладбище. ■